

Борис Хазанов

Похороны дракона

*У меня хранится документ, подписанный вами триста
восемьдесят два года назад. Этот документ не отменён...*

Там стоит подпись: Дракон.

Евг. Шварц

Кто старое помянет, тому глаз вон. Вот девиз, который мог бы украсить фронто́н храма истории. Ведь историю легче отменить, чем преодолеть. Можно даже говорить об историческом процессе истребления истории. Нам приходилось видеть разнообразные проявления этого процесса, от выборочного выскабливания имён и событий до систематического переписывания прошлого, от подтасовок до мифологизации. Разве замалчивание недавнего прошлого в современной России в конечном счёте не равнозначно отмене прошлого? Монструозный всадник перед зданием Исторического музея – не символ ли истории, превращённой в великодержавный миф?

1

Что такое история?

Услыхав этот детский вопрос, профессионал пожмёт плечами. Историк объяснит, что историческое знание есть именно знание, а не сказка, что оно предполагает задаваемый современностью вопрос, изучение источников и методически безупречный ответ. Но писатель (чья профессия – дилетант) посмотрит на дело иначе. Писатель возразит, что древние считали историю не наукой, а искусством: хоровод муз, ведомый Аполлоном, замыкает муза истории Клио.

Мы получили историографию из рук античных историков, и каждый знает, что её лучшие страницы – это прежде всего образцовая проза. Речь Перикла над телами павших, как её передаёт Фукидид; хроника Ксенофонта о походе Десяти тысяч; рассказ Тита Ливия о переправе армии Ганнибала через Рону; сумрачный пафос Тацита (*opus aggredior orimum casibus*, «я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий...»). Но не только историография древности. Возьмёте ли вы характеристику Цезаря у Теодора Моммзена, или описание жизни и смерти Жанны д'Арк, с её «состраданием к Франции», у Мишле, или рассказ

Ключевского о девочке из захолустного Цербста, которая стала матушкой-государыней Екатериной Второй, или портретные главы «Немецкой истории XIX и XX веков» Готфрида (Голо) Манна: что это, как не образцы высокоталантливой художественной словесности. «Лишь историография создаёт историю, – говорит Себастьян Гафнер («В тени истории», 1985). – История не есть реальность, история – это отрасль литературы».

Но ведь то, что мы читаем, скажут нам, всё-таки не вымысел беллетриста, а то, что было на самом деле, о чём свидетельствуют документы, материальные памятники, археологические находки. История есть совокупность фактов, выстроенных в хронологическом порядке. И больше того: история объяснит, почему то, что случилось, случилось так, а не иначе, вскроет механизмы исторического развития. Чтобы закрепить за собой статус науки, история нуждается в фундаментальных концепциях, в общей теории. Всякая теория не только объясняет, но и прогнозирует; исторический процесс в самом себе содержит собственное предопределение; история есть научно обоснованная судьба.

2

Мы знаем такие теории – по крайней мере, слышали о них. Одну из самых знаменитых книг только что ушедшего века открывает торжественное заявление: «Здесь впервые делается попытка предопределить историю». Шпенглер заблуждался: такие усилия уже предпринимались. Историософские концепции, попытки подобрать ключ к истории человечества, претензия истолковать прошлое с единой точки зрения и на этом основании предсказать будущее – всё это было и до автора книги, которая в русском переводе не совсем точно, но эффектно называется «Закат Европы». Несчастье в том, что книга предсказала закат самих этих всеобъемлющих концепций.

Надо ли напоминать о том, что едва ли не первое место среди них занимает учение, кратко, но впечатляюще изложенное в 1848 году в блестяще написанной брошюре под названием «Коммунистический манифест». Вся прежняя история человечества, говорится там, была историей борьбы тех, кто, владея средствами производства, ничего не производит, и тех, кто производит, но ничем не владеет. Последний в истории класс собственников-эксплуататоров – буржуазия, последний класс неимущих – пролетариат. Растущее противоречие между трудом и капиталом будет рано или поздно разрешено – чем раньше, тем лучше. Класс тунеядцев гнивает, дни буржуазии сочтены; пролетарская революция сметёт стяжателей и эксплуататоров и установит бесклассовое общество. На смену царству необходимости придёт царство свободы.

Автор «Заката Европы» явился со своим трактатом-пророчеством спустя семьдесят лет. Подобно Марксу и Энгельсу, он всё знает заранее. Но Маркс пророчил человечеству лучезарное будущее. Историософия Шпенглера дышит смертью. История как борьба классов? Чушь. История человечества есть история смены культурных организмов, в главных чертах они повторяют друг друга. Но, как и биологические организмы (ближайшая аналогия – растения), культуры самодостаточны, замкнуты в себе и располагают ограниченным сроком жизни: возрастают, цветут, вянут и умирают. Истории известно восемь культур: египетская, греко-римская, индийская, китайская и другие; последняя, западноевропейская, иначе фаустовская, доживает свои дни. На очереди девятая, ещё не состоявшаяся, русско-сибирская культура. Что ж, спасибо и на этом.

3

Здесь можно упомянуть ещё несколько универсальных доктрин, например, выдвинутую незадолго до Шпенглера, но оставшуюся малоизвестной схему истории как цепи колец-звеньев: каждое звено замкнуто и вместе с тем связано с предыдущим и последующим. Имя автора этой схемы – Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф – знакомо каждому, кто занимался классической филологией. Не забудем и Константина Леонтьева, предвосхитившего многое из того, что было развито впоследствии то Ницше, то Шпенглером. Каждая цивилизация, по Леонтьеву, переживает один и тот же циклический процесс созревания, цветущей сложности, старческого смесительного упрощения и умирания. Такова судьба Западной Европы, то же в конце концов ждёт и Россию. «Странное суеверие XIX века, – заметил по этому поводу С.С. Аверинцев, – согласно которому заимствованные из естественных наук сравнения немедленно приобретают силу доказательства в науках социальных».

Остаётся добавить к этому беглому перечню – кого же? – Гитлера с его расово-кровавой историософией, как она представлена в хаотическом сочинении «Моя борьба». Здесь снова, уже в совершенно карикатурном исполнении, решающим аргументом служит биология. В главе XI первого тома, «Народ и раса», говорится, что железным законом всего живого является размножение, равно как и неравенство видов; при этом разные виды не смешиваются. То же самое народы и расы, для которых «кровь» служит определяющим фактором. Всё живое утверждает себя не в смешении, если же таковое случается, последствия губельны. «Исторический опыт даёт этому бесчисленные доказательства... при всяком перемешивании крови арийцев с низшими расами в результате наступает конец носителей культуры». История человечества – это история борьбы, высшие расы противо-

стоят низшим, раса, призванная побеждать и править миром, – германцы, раса, подлежащая искоренению, – евреи, и так далее.

4

Отцом всего этого – систематизирующего и пророчествующего – философствования был, разумеется, Гегель. Его диалектика и его историческое мышление, покорившее и поработившее девятнадцатый век, покоились на вере в исторический разум. Божественный промысел уступил место самодвижению мирового духа. Иудейская стрела приняла вид дорожного указателя с надписью «Прогресс».

Но мы помним, что нашёлся ум, который не поддался этому соращению. Это был Артур Шопенгауэр, родившийся на десять лет позже Гегеля. Не более ста экземпляров его главного сочинения, выпущенного в конце 1818 г., было продано в первые полтора года, тираж пролежал ещё пятнадцать лет без движения и пошёл в макулатуру. Звезда Шопенгауэра не успела ещё взойти.

Известно, какого мнения он был о Гегеле: шарлатан! Его система – ложь, абсурд, если она так популярна, то виноваты в этом ослы-профессора, и – «не современникам, не соотечественникам, – человечеству вручаю я ныне завершённый труд мой, в уверенности, что оно оценит его значение». Этим скромным заявлением было предварено спустя четверть века второе издание трактата «Мир как воля и представление», теперь уже двухтомного.

Никакого разумного плана, никакого прогресса франкфуртский мыслитель не находит в истории; никакой закономерности, если не считать законом бесконечную смену масок на одном и том же кровавом карнавале. Под масками – всё те же лицедеи. В великой и жалкой драме человечества меняются только декорации и костюмы.

Eadem, sed aliter, по-другому, но всё та же – такова истории, таков единственный урок, который можно из неё извлечь. Та же в смене эпох и событий, – подобно тому, как всегда равна самой себе в круговороте объективаций безначальная, беспричинная, иррациональная сущность всего сущего, чёрное пламя мира: воля.

5

А ведь так хочется думать, что «всё не напрасно»! Хочется говорить о борьбе прогрессивного с ретроградным, света с тьмой. О росте благополучия, о совершенствовании человека, о построении справедливого общества. Идёт ли человечество к какому-то финалу или бесцельно крутится в колесе веков? Какая из двух моделей исторического процесса верна: иудейская стрела или греческий круг?

Или, может быть, соединение двух чертежей, спираль Гегеля: кругами, но всё выше и выше?

Историософские построения обладают свойством, которое сближает их с романами. Они заражают нас чем-то лежащим по ту сторону логики. Вдобавок они обладают насильственной тотальностью. Они всеобъемлющи и просты, потому что дают единый ответ на множество вопросов, предлагают окончательную разгадку.

В 1933 году, после нацистского переворота, 48-летний Эрнст Блох бежал в Швейцарию, откуда перекочевал в Америку, где написал свой главный труд «Das Prinzip Hoffnung» («Принцип Надежда»), одну из самых завораживающих книг XX века. Огромное – 1600 страниц – сочинение представляет собой и философский трактат, и род рапсодии, может напомнить давно забытого Макса Штирнера, пожалуй, и Ницше, но Блох отнюдь не следовал Ницше, своим учителем он считал Маркса.

После войны он вернулся, правда, не в Западную Германию, а в Восточную, и занял кафедру в Лейпциге. Он был превосходным лектором, блестящим говорун, одним из тех, кто живёт в замкнутом мире идей, похожем на роскошный облачный замок. Над этим замком реял флаг «первого социалистического государства на немецкой земле». Президент ГДР Вильгельм Пик наградил Блоха орденом. Вскоре, однако, начались неприятности, профессор оказался строптивым, был отставлен от должности, кончилось тем, что он снова эмигрировал, на этот раз в Федеративную республику. Здесь вышел в свет его труд.

Философия Блоха представляет собой попытку соединить Гегеля с утопией иудаизма – Царством Божьим на земле – и привести всё вместе в единую систему с помощью диалектического материализма. Человек победит социальное отчуждение, и тогда – что тогда? Гигантский опус, обетование надежды, заканчивается такими словами:

«Человек всё ещё живёт в своей предыстории, собственно говоря – даже до сотворения мира, подлинного мира. Настоящая Книга Бытия пишется не в начале, а в конце – когда общество и бытие станут радикальными, то есть – буквально – доберутся до самых корней. Корень же истории есть трудящийся человек, творящий, преобразующий и перешагивающий наличные данности. И когда он овладеет собой и утвердит себя и своё достояние без всякого отчуждения, не уступая своих прав, в реальной демократии, – вот тогда в мире возникнет нечто такое, что, мнится, осталось в детстве, земля, где никто ещё никогда не бывал: Родина».

Какие слова!

6

За всем этим слышится какой-то плач. Блоха уже давно нет в живых, нет многих и славных, а их ученики и наследники сидят вокруг пепелища. Праздник утопической мысли отшумел, и нужно довольствоваться скучной обыденщиной, серой прозой. Скучно жить в обществе, где задают тон не мечтатели и пророки, а бизнесмены. Тошно просыпаться утром в понедельник, когда за окнами брезжит двадцать первый век. И это ещё хорошо, если ждёт обыденное существование...

Дело не в том, что всемирно-исторический прогноз Маркса и Энгельса провалился – как и всякий другой. Дело идёт о крушении веры в исторический разум. Метаисторические построения молчаливо исходили из постулата, что в истории кроется некий смысл, *ratio*, *Sinn*, *raison*. Этот смысл, эту разумную необходимость они должны были открыть и продемонстрировать. Иначе говоря, *оправдать* историю.

Что такое оправдание? По словарю – обоснование целесообразности, закономерности, справедливости. Что такое смысл?

В Четвёртом евангелии сказано: в начале был Логос. О том, что означает греческая вокабула, написаны фолианты. Обычное объяснение – Слово, несущее Смысл. Опять же в русском толковом словаре говорится: смысл – это внутренне логическое содержание, значение, постигаемое разумом. По Людвигу Витгенштейну, смысл мира должен лежать вне мира.

Последняя фраза как будто обесценивает историософию. Ведь и Маркс, и Шпенглер, и кто там ещё – хотели убедить нас в том, что смысл истории не есть нечто привнесённое извне, но лишь расшифровка того, что содержится в ней самой. Смысл имманентен истории. Какой же?

Никакого, ответил пророк мировой воли, но приходится возразить и Шопенгауэру. Хорошо это или плохо, но история не вечно одна и та же, и, например, время, в котором нас угораздило родиться и жить, демонстрирует кое-что новое. За спиной у нас уже не девятнадцатый век, а двадцатый, с ним пришло то, о чём не ведали прежде.

Явились концентрационные лагеря. Явилось тоталитарное государство. Народились «массы» (прежде называвшиеся народом), для которых вездесущая пропаганда, лживая по определению, оснащённая новейшей технологией массовой дезинформации и всеобщего оглупления, заменила религиозную веру. Почувствовалось повсеместное присутствие тайной полиции, государства в государстве. Расцвёл культ убудочных вождей. Оказалось недостаточным одной мировой войны, разразилась вторая. Ничего подобного никогда не бывало. Апокалиптические разрушения, астрономические цифры жертв. Стало возможным в считанные минуты уничтожить с воздуха целый город, плоды труда и культуры многих поколений. Удалось истребить, руководствуясь безумной теорией, в короткий срок,

с помощью специально сконструированных газовых камер и печей, шесть миллионов мужчин, женщин, детей и стариков. И так далее. Спрашивается: во имя чего?

Для всего нашлись объяснения, всему были свои причины. Всё было построено на рациональных основаниях, обдуманно и расчислено, распланировано, бюрократизировано, оснащено изумительными достижениями техники и санкционировано наукообразной идеологией. Ведь наука, не правда ли, в наше время занимается всем. Но за этой наукой и техникой, логикой и организацией скрывается пустота – чёрный провал. Двигаясь назад по цепочке причин, следствий, объясняющих обстоятельств, оснований для поводов и причин для причин, мы в конечном итоге наталкиваемся на абсурд.

7

Три цитаты.

«Есть картина Клее – “Angelus Novus“. Изображён ангел, у которого такой вид, словно он хочет отстраниться от чего-то, к чему прикован его взгляд. Его глаза выпучены, рот приоткрыт, крылья распахнуты. Должно быть, так выглядит ангел Истории. Свой лик он обратил к прошлому. Там, где нам представляется цепь случайных происшествий, он зрит единую, непрерывную катастрофу, громоздящиеся развалины, которые она без устали швыряет к его ногам. Ему бы хотелось помедлить, разбудить мёртвых, восстановить то, что разбито вдребезги. Но ветер бури несётся из рая, такой сильный, что ангел не в силах сложить свои раздутые крылья. Буря гонит его в будущее, к которому он повернулся спиной, – лицом к горе обломков, что растёт до неба. Этот ветер и есть то, что мы называем прогрессом». (*Вальтер Беньямин*).

«Дьявол – это полномочный представитель демиурга... ангел, на которого возложена грязная работа вершить историю» (*Эмиль Чоран*).

« – Что вы хотите сказать? – не понял мистер Дизи. Он сделал шаг вперёд и остановился, челюсть косо отвисла в недумении...
– История, – произнёс Стивен, – это кошмар, от которого я пытаюсь проснуться». (*Джойс*).

8

Забыть, забыть этот кошмар... Кто старое помянет... Вот тайная подоплёка всеобщего желания отгородиться от прошлого утешительной мифологией, помпезны-

ми памятниками, лживыми мемуарами, – откреститься от монстра, враждебного человеку, – от огнедыщащего дракона, именуемого Историей.

У истории есть фактотум, мальчик на побегушках; для краткости назовём его политикой. На фоне живой, реальной жизни, той жизни, которой живёт каждый нормальный человек, политика представляется чем-то мнимым. Но фантом обладает неслыханной властью. Эта власть чудовищно раздулась за последние сто или сто пятьдесят лет. Никогда ещё политике не удавалось так успешно побеждать живую жизнь.

Никогда прежде зловещие призраки Нации, Державы, Славного Прошлого и как они там ещё называются – не вмешивались так беспардонно в жизнь каждого человека, не норовили сесть с ним за обеденный стол и улечься в его постель. Никогда человеческие ценности не были до такой степени девальвированы, никогда стоимость человеческой жизни не падала так низко. В девятнадцатом столетии говорилось об отчуждении человека-производителя от производства. В двадцатом произошло окончательное отчуждение человека от истории.

Политики заботятся о человеке. Так они, по крайней мере, говорят. Об этом твердят они на трибунах и в телестудиях. Что из этого получается, хорошо известно. Под натиском политики ваше существование, ваши заботы, чувства, любовь, семья, всё, что по-настоящему ценно и дорого, что составляет реальную жизнь человека, – не стоит равным счётом ничего. С человеческой точки зрения частная, интимная жизнь и есть подлинная жизнь. С точки зрения истории и политики она значит не больше, чем жизнь дерева в тайге. Лагерные электропилы валят деревья одно за другим. Топоры обрубают верхушки и ветви. Лагерные лошади выволакивают голые стволы с делянок на лесосклады. Зелёный убор сгорает на кострах. Остаются кладбища пней и поля чёрного праха. Остаются «поля захоронения», гигантские кладбища без крестов и надгробий, где лежат миллионы строителей обещанного счастливого будущего.

Перед лицом истории вы ничто. Вы абсолютно бессильны. Вы, как муравей в щелях и трещинах лживой, политизированной, притязающей на статус всеобъемлющего национального достояния, размалёванной, словно труп в палисандровом гробу, истории. Она преследует вас повсюду: помпезными памятниками на улицах, парадированием войск, болтовнёй домашнего экрана, газетной дребеденью, ангажированной публицистикой и псевдолитературой.

9

Говорят, Джеймс Джойс, услышав о том, что началась мировая война, сказал: а как же мой роман?.. Книга представляет собой реализацию тезиса, приведённого выше: история как кошмарный сон; и хорошо бы, наконец, от него пробудиться.

Легко сказать!

Игнорировать историю? Но семена, сыплющиеся на жернова, не могут «игнорировать» мельницу.

Бежать? Из своего века не убежишь.

И вдобавок нам твердят, что мы жили или живём в «великое время». Были ли когда-нибудь невеликие времена?

Писатель (тот самый, чья профессия – быть дилетантом) задаёт себе вопрос, возможно ли связать то, что никак не связывается, соединить два времени, историческое и человеческое, найти волшебное уравнение литературы – нечто сравнимое с физическим соотношением неопределённостей Гейзенберга?

Что делать русской литературе – той её части, которая существует в России, и той, которая вегетирует за рубежом, – что делать литературе, которая в конце концов ничем другим не занята, ничем другим не интересуется, как только индивидуальной, тайной, внутренней, интимной жизнью человека, литературе, для которой нет великих и малых и слезинка ребёнка дороже счастья человечества, не говоря уже о том, что и счастье-то оказалось мнимым?

Как всякое искусство, литература существует ради самой себя, другими словами – ради человека. Литература абсолютна: человеческая личность – её абсолют. Человек не как представитель чего-то, будь то профессия, социальный слой, общество или нация, но прежде всего человек сам по себе, «просто так», хоть он и живёт – где же ему ещё жить? – в своём веке, а иногда и в «своей стране». Хоть и ходит в наручниках, хоть и приковали его к себе общество и государство, и сочли его своей собственностью. Фет, на вопрос, к какому народу он хотел бы принадлежать, ответил: «Ни к какому».

Если художественная литература несёт какую-то весть, то лишь эту: человек свободен. Он свободен не потому, что он этого хочет (чаще всего не хочет). Но так он устроен. Такова природа существа, наделённого индивидуальным сознанием; литература же, по выражению Сузан Зонтаг, есть воплощённое сознание. Человек заперт в своей свободе. Человек постольку человек, поскольку он свободен; литература напоминает ему об этой – иллюзорной, как может показаться, – свободе.

Литература есть воплощение его достоинства – в этом её скрытый пафос. В этом, может быть, и её последнее оправдание. То, чего не добилась религия, чему не смогла научить гуманистическая философия, – взваливает на свои плечи художественная словесность.

Твердить, посреди сумасшедшего дома истории, об абсолютном приоритете человеческой личности? Это звучит риторически. Между тем это то самое, чем ремесло сочинителя занималось со времён пророков и Гомера. Писатель живёт в своём времени и вопреки ему. Литература не аполитична, она *над*-политична. В старом романе Виктора Гюго, читанном в детстве, командир отряда санкюлотов

грозно спрашивает женщину, которая бежит, подхватив детей, спасается куда-то: ты с кем, гражданка? С Революцией или со старым режимом? Я с моими детьми, отвечает она. Я с тобой, говорит писатель. Литература есть последнее убежище человечности. А великие исторические и патриотические задачи оставим журналистам.